

Дмитрий Юрьевич НАРХОВ¹
Елена Николаевна НАРХОВА²
Александр Андреевич АНИСИМКОВ³

УДК 316.347

КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УРАЛЬСКОЙ И РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

¹ кандидат социологических наук, доцент
кафедры организации работы с молодежью,
Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
d_narkhov@mail.ru

² кандидат социологических наук, доцент
кафедры теории, методологии и правового обеспечения
государственного и муниципального управления,
Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
e_narkhova@mail.ru

³ магистрант, Уральский федеральный университет
(г. Екатеринбург)
alex-fendrix@rambler.ru

Аннотация

Статья посвящена проблемам формирования национальной идентичности молодого поколения в условиях глобализационных изменений мира. Теоретическим основанием является представление о многомерности молодежи как специфической общности (социальная структура, социальный институт, социальный резерв, социальный риск и др.), об устойчивости структуры традиционных ценностных ориентаций российской молодежи на фоне увеличения дисперсности интерпретации основополагающих образов культуры, пропаганды несвойственных нацио-

Цитирование: Нархов Д. Ю. Культурные факторы в формировании национальной идентичности уральской и российской молодежи / Д. Ю. Нархов, Е. Н. Нархова, А. А. Анисимков // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2018. Том 4. № 2. С. 38-54.
DOI: 10.21684/2411-7897-2018-4-2-38-54

нальной идентичности ценностей; многоаспектности и изменчивости молодежной идентификации: субкультурной, профессиональной, этнонациональной и другой. В качестве индикаторов национальной идентичности выделяются воплощенные в национальной психологии и находящие отражение в национальном характере язык, нравы, искусство, мифы, религия. В результатах социологического опроса (N = 1 406, онлайн-опрос, метод «снежного кома», территория всех федеральных округов России, молодежь в возрасте от 14 до 35 лет) раскрывается взаимосвязь национальной идентичности молодежи с национальной культурой населения, ее знанием, оценкой и принятием. Показаны различия в процессах идентификации молодежи Уральского федерального округа и молодежи, проживающей на остальной части России. Даны оценки структуры ценностных ориентаций, идентификации с понятиями «русский», «свои народы», системообразующих элементов российской культуры (литература, история, фольклор, народная музыка, живопись, архитектура), уровня знаний российской истории, желания проживать за пределами России. Сделан вывод о необходимости учитывать культурные изменения, происходящие с литературой, русским словом, российской историей, при управлении процессами национальной идентификации молодежи в рамках реализации государственной молодежной политики.

Ключевые слова

Идентичность, национальная идентичность, национальная культура, ценности, индивидуальное и общественное сознание, молодежь, ресурс, Уральский федеральный округ, государственная молодежная политика.

DOI: 10.21684/2411-7897-2018-4-2-38-54

В условиях современной тенденции культурного, политического, экономического объединения, обусловленного распространением идей глобализма, проблема национальной идентичности играет важную роль. Особое значение приобретает информационное влияние как основа формирования доминирования во всех сферах и областях на основе использования искусственно созданного информационного пространства, охватывающего все социальные слои и каждого человека. Одной из таких социальных групп является молодежь, имеющая своей характерной чертой маргинальное состояние между детством и взрослостью, которое характеризуется активным усвоением знаний, социальных ценностей и норм. Именно этой группе при создании определенных условий в информационном пространстве присуще изменение своих ценностных ориентаций; амплитуда таких изменений может колебаться от минимальных до прямо противоположных.

Сложно переоценить степень значимости данной проблематики в современной социологии молодежи. Стихийное формирование определенных мировоззренческих и ценностных установок под влиянием многоаспектности воздействия разновекторных типов культур в условиях глобализации осложняет

процессы идентификации: национальной, профессиональной, субкультурной, гендерной и т. д. Размытая идентичность сопровождается рядом социальных проблем. К таким проблемам можно отнести: воспроизводство научной и интеллектуальной элиты, гражданской культуры, патриотического воспитания, формирование морально-нравственных установок. Особенно обострились в России проблемы субкультурной и профессиональной идентичности, связанные с молодежной девиантностью, которые возникают из-за несоответствия норм социума интересам конкретной личности. В последнее время мы видим нарастание гендерной маргинализации, причины которого носят не биологический, а социальный характер. Безусловно, все эти нерешенные проблемы идентичности сказываются на развитии общества и ведут к увеличению нестабильного состояния в социуме, провоцируя появление различных конфликтов. Выявление проблем формирования национальной идентичности приводит к необходимости анализа объективных и субъективных факторов влияния.

Объективный фактор заключается в увеличении степени дисперсности интерпретации традиционных, основополагающих образов культуры, вплоть до потери их культуурообразующего смысла, через инструменты СМИ и пропаганду определенных ценностей (примером может быть трансформация понятий «друг», «герой».) А субъективный фактор представляет собой изначально неоднозначно и неустойчиво сформированную у молодого поколения национальную идентичность, осложняемую объективными факторами ее формирования в глобализационном мире. Так, сложность формирования идентичности молодого поколения в разных аспектах — гендерной, субкультурной, культурной, национальной — заключается в ее многоаспектности и изменчивости, где второе может порождать первое и наоборот. Под многоаспектностью мы понимаем как многогранность молодежи, так и разную степень соотнесения себя с одной или несколькими этническими или национальными общностями, выделяя моноэтническую идентичность со своей этнической группой, биэтническую идентичность, моноэтническую идентичность с чужой этнической группой и маргинальную этническую идентичность [7]. Второе свойство — изменчивость — подразумевает собой возможность человека изменять личное отношение и ощущение своей принадлежности к той или иной группе, дополняя или заменяя ее. Данная идея основывается на представлениях Г. Г. Шпета [12], что принадлежность к определенному народу не является заведомо известной для самого индивида, то есть не является результатом биологической наследственности, а формируется благодаря сознательному приобщению к культурно-историческим ценностям определенного народа.

Национальное сознание, объединяя совокупность социальных, политических, экономических, нравственных, эстетических, философских, религиозных и других взглядов, характеризует содержание, уровень и особенности духовного развития национально-этнической группы. Главным элементом национального самосознания ученые называют идентификацию человека с определенной этнической группой. Этническая идентичность является результатом процесса

идентификации в наиболее общем смысле, понимается как самоотождествление с этнической группой. Национальная идентичность определяется через отношение человека к определенной группе людей, которая связана общностью экономической жизни, языка, нравов, искусства, мифов, религии, культуры, характера, психологического склада и территории. Очень важным для понимания национальной идентичности является понятие «менталитет», которое отражает своеобразие видения окружающего мира и специфику реагирования на него. Однако нации отличаются друг от друга не только психофизическими особенностями, как, например, различные расы, но и определенным духовным багажом, и поэтому смерть нации может стать реальностью не только вследствие физического вымирания, но и смерти духовной, когда социально-культурные институты перестают выполнять свою основную роль.

В состав этнической (национальной) идентичности входят: язык, нравы, искусство, мифы, религия, которые воплощаются в национальной психологии и проявляются в национальном характере. Поколенческий разрыв и несформированная национальная идентичность у молодого поколения прерывает традиции воспроизводства национального менталитета. Так, российский философ, историк, политолог В. Л. Цымбурский в интервью для журнала «Русский архипелаг» заявляет, что «идентичность — это принятие определенного исторического опыта, когда человек говорит: „наш поэт Пушкин, наш император Петр Великий, наша история, наши войны...“», и подчеркивает, что «речь идет не о языковой идентичности — русский язык никого не объединяет. Объединяет исключительно опыт». И далее делает акцент на культурологическом основании идентичности: «социокультурное ядро страны, цивилизации — это люди, которые разделяют ее опыт» [10]. Таким образом, мы выходим на определение идентичности как части самосознания личности, формируемой ощущением принадлежности к тем или иным социальным группам, в нашем случае — к широкому понимаю национальности. Такой уровень интегрированности предполагает осознание участниками общности своих интересов и готовность членов группы к совместным действиям во имя общих целей коллектива.

В структуре идентичности можно выделить индивидуальное и общественное сознание. Если персональная идентичность — способность идентифицировать себя (свою самость) благодаря индивидуальному сознанию (совокупности идей, взглядов, чувств, свойственных конкретному человеку), то социальная идентичность является результатом отождествления человека с общественным сознанием, представляющим совокупность идей, взглядов и оценок, свойственных данному обществу в осознании им собственного бытия.

Являясь составной частью общественного сознания, национальная психология проявляется в виде специфических качеств национального характера, национальных чувств и настроений, национальных интересов, традиций и привычек и у молодежи, в той или иной степени. Она отражает то общее, что есть у представителей целой нации в речи, стереотипах, мировосприятии и устойчивых формах поведения. Национальная психология характеризуется общим

коллективным переживанием, находящим свое отражение в языке, мифах, религии, менталитете и искусстве. Так, немецкий психолог В. М. Вундт [1] считал, что, изучив язык, мифы, обычаи народа, можно проанализировать «душу народа», выявить общие законы его духовного развития. Советский и российский социолог И. С. Кон [4] утверждал, что недостаточно изучать индивидуально-психологическое состояние индивидуума, необходимо углубляться в историю, общественный строй и культуру целого народа, к которому он принадлежит и относит себя. Следовательно, построив данную цепь взаимосвязей и взаимозависимостей, мы можем сделать вывод, что национальная идентичность молодежи тесно связана с национальной культурой населения, ее знанием, оценкой и принятием.

С целью оптимального решения проблем идентификации представляется необходимым детализированный анализ молодого поколения. Наиболее распространенным в социологии молодежи, да и в последние годы и в государственной молодежной политике [9, с. 12-13], является подход, основанный на представлении о молодежи не только как о ресурсе общества в стратегическом его рассмотрении, но и акторе в тактической реализации всех сфер деятельности общества. Разработанные профессорами Ю. Р. Вишневым и В. Т. Шапко социологические представления о многомерности молодежи [8, с. 25-94] позволяют применять разнообразные социологические подходы к изучению проблематики национальной идентичности.

Согласно стратификационному подходу, молодежь можно определить как общность, определенную социально-демографическую, возрастную группу, выступающую компонентом социальной структуры общества и характеризующуюся специфическим социальным статусом. В рамках данного подхода появляется возможность выяснить характер идентификации молодежи в масштабах национального государства, понять отношение к российскому государству, россиянам как социальной группе.

Серьезной модификацией данного подхода с акцентом на динамику социального развития является воспроизводственный подход. В. И. Чупров, подчеркивая социальное качество молодежи, связывает его с ролью молодежи в процессе воспроизводства социальной структуры. Молодежь, по его мнению, характеризуется как «становящийся субъект общественного воспроизводства» [5, с. 9]. Этот подход позволяет проследить трансляцию механизмов идентификации, ее темпоральное существование в обществе.

В условиях отсутствия внешнеполитической стабильности и ускоренных процессов глобализации мирового сообщества важная роль при формировании и поддержании национальной идентичности молодежи отводится социальным институтам как инструментам для формирования единой, устойчивой системы общественных взаимоотношений индивидов внутри государства. Институционально-функциональный подход рассматривает молодежь с точки зрения организации и функционирования молодежных движений. В центре внимания исследователей находится специфика участия молодежи в жизни социума. В рам-

ках этого подхода простраивается система социальных ролей и статусов, правил, норм, установок для оптимального функционирования системы межнационального взаимодействия в социуме.

Функционирование социальных институтов в обществе охватывает как нормативно-регулируемую часть поведения молодежи, так и ту часть поведения, которая не регулируется нормами права (например, близкие отношения между людьми, неформальные взаимодействия). Теперь это два взаимосвязанных объекта институционализации. Обратим внимание хотя бы на институты государства, армию, которые обладают существенным потенциалом формирования крепкой национальной идентичности молодежи благодаря своей способности обеспечить устойчивость социальной структуры общества на основе социального контроля. Институционально-функциональный подход позволяет объяснить причины принятия (или неприятия) традиционных норм и правил национальной культуры.

Устойчивость общественной жизни находится в прямой зависимости от социальной интеграции молодежи. Преимущество традиций мировоззренческих установок, образа жизни, мироощущения и мировоззрения нации или определенной группы в этой нации рассматривается в рамках социокультурного подхода. Он дает возможность выявить характер соотношения молодежью окружающей социокультурной среды с фундаментальными культурными образцами.

Рискологический подход к молодежи выстраивается на концепции «общества риска» У. Бека. Эта методология активно разрабатывается В. И. Чупровым [11], Ю. А. Зубок [2] и др. Рассматривая разнообразные риски, с которыми сталкивается молодежь в процессе социализации и жизненного самоопределения, авторы обращают внимание на угрозу реализации молодежью ее воспроизводственного, инновационного потенциала, который следует понимать не только в демографическом, но и социальном, культурообразующем смысле. «Способствуя самореализации молодежи в образовании, в профессиональной ориентации, в повышении квалификации и в других сферах, общество развивается. Но, когда общество не участвует в этих процессах, предпочитая отдавать их на решение самим молодым людям и их родителям, обрекает себя на деградацию» [11, с. 39]. Из этого утверждения вытекает вопрос: где, в какой стране молодежь будет реализовывать свои ценностные установки, профессиональный и культуротворческий потенциал — в России или другом месте; насколько ее жизненные планы соотносятся с планами развития общества в масштабах национального государства и региона проживания, т. е. как связаны проблемы национальной идентичности молодежи и деятельности общества. Очевидно, что не только молодежь подвергается рискам в современном социуме, но и социум рискует недооценить возможности и ресурсы молодого поколения.

Обратим внимание, что рискологический подход к идентичности молодежи в сочетании с ресурсным подходом закрепился в государственной молодежной

политике. Он строится на представлении об идентичности молодежи как об одном из важных факторов преодоления кризисов и развития общества и одновременно — о ее неотчетливости, неоднозначности и сложности определения ее границ [3, с. 78]. С одной стороны, в российском динамично меняющемся обществе за молодежью закреплена функция выступать «источником новых объективных изменений, транслятором ценностей и моделей поведения», связующим звеном поколений. С другой стороны, выбор жизненных стратегий, конкретных способов решения стоящих перед молодым поколением проблем осложняется высокой скоростью социальных трансформаций, оказывающих значительное влияние на самосознание молодежи. В этом плане культура, принятие молодым человеком ее ценностей, становится необходимой, но не единственной частью национальной идентичности: молодой человек может соотносить себя с определенной системой культуры, но не принимать ее в существующем варианте [3, с. 79]. Это положение важно учитывать при разработке механизмов реализации государственной молодежной политики, ключевой задачей которой ставится «формирование системы ценностей с учетом многонациональной основы нашего государства», «развитие в молодежной среде культуры созидательных межэтнических отношений» [6].

Основываясь на данной методологии, нами было реализовано социологическое исследование, нацеленное на изучение идентичности современной молодежи как специфической общности, функционирующей в масштабах национального государства. Объектом исследования выступили молодые люди 14-35 лет, проживающие на территории Российской Федерации, с преобладанием жителей Уральского федерального округа (далее УрФО, 58% респондентов, неравномерное представительство всех без исключения остальных округов и городов федерального значения от 1% (Севастополь) до 7,6% (Сибирский федеральный округ). Эмпирическая база была сформирована в результате онлайн-опроса, метод «снежного кома» (20 марта — 10 апреля 2016 г., N = 1 406). Распределение по полу: 61% — женщины, 39% — мужчины; по возрастным группам: 14-17 лет — 2,6%, 18-22 года — 67%, 23-30 лет — 19,5%, 31-35 лет — 11%; по семейному статусу: 74,3% холостых, 10,7% живут в незарегистрированном браке, 11,7% женатых (замужних), 2,6% разведенных, менее 1% вдовых. Социальный статус респонденты отметили следующим образом: школьники — 2,3%, студенты техникумов, колледжей — 2,6%, студенты вузов — 73,8%, работающие — 19,8%, безработные — 1,4%. Данное распределение показывает, во-первых, уровень активности молодежи в социальных сетях (анкета была сформирована в форме Google и распространялась через личные сообщения «ВКонтакте»), во-вторых, показало органиченность в формировании репрезентативной выборки, в-третьих, в очередной раз высветило существенный гендерный перекос в системе высшего образования [8, с. 16]. Таким образом, полученные результаты позволяют сравнить мнения уральской (мы понимаем под этим термином молодежь УрФО) и российской молодежи, преимущественно незамужних женщин, получающих высшее образование.

Структура ценностных ориентаций, выявленных ранее в ходе регионального мониторинга [8, с. 406-407] респондентов, продемонстрировала высокую степень устойчивости (таблица 1): первые две позиции традиционно занимают здоровье и семья, дети.

Авторы не рассчитывали обнаружить статистически значимую разницу между молодыми уральцами и жителями других регионов, однако она проявилась по нескольким ключевым позициям. Для респондентов УрФО менее значимыми оказались образование, профессионализм ($\Delta -6\%$), семья и дети ($\Delta -5\%$), более значимыми — общение с друзьями ($\Delta +10\%$), красота и физическое совершенство ($\Delta +6\%$), ориентация на получение максимального удовольствия от

Таблица 1

Структура ценностных ориентаций в зависимости от территории проживания, поливариантный вопрос, % опрошенных, пропуски 3,3%

Table 1

Structure of valuable orientations of youth depending on the territory of accommodation, a question with multiple answers, % of respondents, admissions of 3.3%

Варианты ответов	Место проживания	
	УрФО	Другие округа
Здоровье	70	72
Семья, дети	65	70
Возможность реализовать свои способности	63	61
Интересная, творческая работа	46	47
Общение с друзьями	42	32
Самостоятельность, независимость, свобода	39	37
Образование, профессионализм	37	43
Получить от жизни как можно больше удовольствия	26	19
Общение с природой	25	28
Личная безопасность	24	24
Красота и физическое совершенство	19	13
Деньги, богатство	17	18
Иметь свое дело, заниматься бизнесом	12	12
Удовлетворенность в интимной жизни	11	7
Признание окружающих, престиж	8	11
Власть	4	5

жизни ($\Delta +7\%$). В общем же целостность структуры ценностей позволяет рассчитывать и на относительное единство в национальной (на уровне общества в целом) идентификации молодежи.

Весьма показательно мнение молодежи о системообразующих элементах русской культуры (таблица 2). Очевидно, что именно эти составляющие имеют решающее значение для культурной идентификации.

Любопытно, что при единстве последовательности характеристик уральская молодежь заметно выше, чем в других регионах, оценила значимость литературы и живописи ($\Delta +6\%$), ниже — значимость фольклора как важнейших характеристик ($\Delta -10\%$). В качестве своего варианта респонденты активно предлагали разные музыкальные жанры — от классики (Чайковский) до рока, рэпа и Земфиры. Очевидно, что все слои актуальной культуры должны использоваться как инструмент реализации государственной молодежной политики в формировании патриотических установок, востребованную молодежью форму наполнять адекватным содержанием (а ведь сегодня многие организаторы работы с молодежью не считают нужным поддерживать современное музыкальное движение, обосновывая свою позицию неэффективностью акций типа «Рок против наркотиков»).

Решающее значение русского слова, национальной литературы и истории в становлении идентичности молодежи на начальном этапе исследования не подвергалось сомнению, и это подтверждено ответами респондентов. Парадоксальными оказались ответы респондентов УрФО и остальной части России на вопрос о знании русской истории. Мнение «двоечников» (а суммарно по массиву это

Таблица 2

Сравнение мнений о том, что более всего характеризует русскую культуру, поливариантный вопрос, до трех ответов, % опрошенных, пропуски 3,3%

Table 2

Comparison of opinions on what most of all characterizes the Russian culture, a question with multiple answers, to three answers, % of respondents, admissions of 3.3%

Вариант ответа	Место проживания	
	УрФО	Другие округа
Литература	86	80
История	63	66
Фольклор	47	57
Народная музыка	30	27
Живопись	29	23
Архитектура	16	14
Свой вариант	5	7

практически каждый шестой респондент!) оказалось почти одинаковым: отметили вариант «очень плохо» 4% и 3% соответственно, «плохо» — 13% и 12% респондентов (пропуски в ответах 3,3%). А в остальных вариантах ответов зафиксировано значимое расхождение: $\Delta +10\%$ в варианте «средне» (почти половина ответов в УрФО — 48% против 38% в остальной части России), $\Delta -6\%$ в вариантах «хорошо» (31% против 37%) и «отлично» (4% против 11%). Вывод очевиден только на первый взгляд: на Урале надо бы усилить работу по популяризации исторического знания. Но не скрываются ли за такими оценками более высокие требования к своему знанию со стороны молодежи, на фоне сформированного стереотипа о невысоком уровне образования современной молодежи?

В ходе опроса респондентам был предложен полуоткрытый поливариантный вопрос, что для респондентов означает понятие «русский» (рис. 1), подтвердивший заключение о единстве оснований для национальной идентификации — освоение именно культурных ценностей, прежде всего — ценностей духовных.

Как мы видим, для молодого поколения «русский человек» — это не наследственная характеристика, а прежде всего сознательное приобщение и разделение культурно-исторических ценностей народа. Обратим внимание, что ряд респондентов в открытом варианте ответа фактически описали все предложенные характеристики, отмечая, что человек, душой и сердцем разделяющий ценности народа, не будет жить за пределами той страны, где этот народ проживает.

Рис. 1. Идентификация с понятием «русский», поливариантный вопрос, % опрошенных, пропуски 3,3%

Fig. 1. Identification with the concept “Russian”, a question with multiple answers, % of respondents, admissions of 3.3%

Полузакрытый поливариантный вопрос, какие народы можно причислить к «своим», состоял из 29 предложенных вариантов ответа, среди которых присутствовали народы как ближнего, так и дальнего зарубежья. Вариант «Ни один из перечисленных» отмечен каждым десятым респондентом.

На рис. 2 представлены лидирующие позиции по данному вопросу.

Из представленных выше вариантов ответов напрашивается вывод, что представители молодежи причисляют к «своим» народы бывших советских республик (Украинская ССР, Белорусская ССР, Казахская ССР, Грузинская ССР, Молдавская ССР, Армянская ССР). Такой выбор может являться примером и доказательством известному изречению: «русский язык никого не объединяет — объединяет исторический опыт». Таким образом, страны, с которыми нас связывала история многих поколений, не могли не преобладать в ответах. Как видим, события на Донбассе и присоединение Крыма и последовавшие за этим политические процессы не оказали существенного влияния на выбор молодых россиян. Однако если анализировать сложившуюся ситуацию с точки зрения исторических предпосылок, можно заметить, что респонденты не уделили столь высокого внимания народам других советских республик: Литве (13% ответов), Латвии (13%), Эстонии (9%). Любопытно, что к своим народам 13% ответивших отнесли поляков, еще 7% — финнов.

Сегодня приходится говорить о том, что отношения России и стран Прибалтики отличаются политической и экономической стагнацией, переходящей в конфронтацию. Рассматривая современное общественное состояние и перспективы развития сотрудничества государств восточной части Балтийского моря с Россией, следует отметить, что за последние двадцать с лишним лет политическая карта региона не изменилась, но при этом сформировалось выраженное и в ответах молодежи негативное представление населения России о

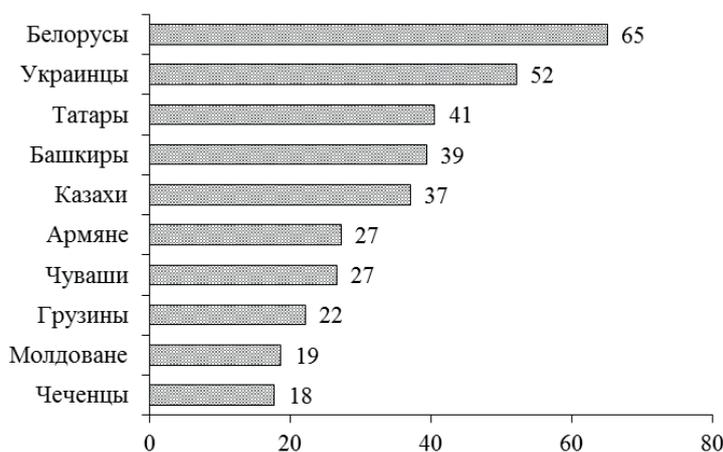

Рис. 2. Определение «своих» народов, первые 10 позиций из 29 вариантов, % ответивших

Fig. 2. Definition of “the” people, the first 10 positions from 29 options which have answered to

прибалтийских государствах. Показательно и мнение респондентов о близости народов из среднеазиатских республик, входивших в состав СССР: таджиков отметили как «своих» 11% респондентов, узбеков (не были представлены в общем списке) в качестве своего варианта добавили 4% респондентов.

Глобализация, политика культурного и академического обмена, бурное развитие международного туризма не создали существенных предпосылок для восприятия народов дальнего зарубежья как своих. Так, несмотря на экспансию английского языка, англичан и американцев отметили 3,6% и 3,2% респондентов соответственно — вдвое реже, чем немцев (7%), ариев (вариант, добавленный респондентами, — 7%) и оказывавших существенное культурное влияние на протяжении почти двух столетий французов (4%). Наблюдается значительная дистанция между народами, населяющими Ближний Восток (ответы — на уровне статистической погрешности: турки — 2,2%, египтяне — 1,9%). Вместе с тем любопытна тенденция добавить к своим сербов в поле «свой вариант», несмотря на их наличие в предложенном респондентам списке (однако суммарно их отнесли к своим народам всего лишь 1,9% ответивших). Сохраняется ментальная дистанция и с народами азиатского региона: монголов к «своим» народам отнесли 6,5% ответивших, китайцев — 3,9%, индийцев — 2,7% соответственно. Как видим, фактор длительного «покровительства» в период существования СССР практически не оказывает влияния на выбор молодежи.

Значимым вопросом в данной тематике мы также находим степень приверженности молодежи к эмиграционным настроениям (рис. 3).

Молодые люди в большинстве своем придерживаются традиционных ценностей, однако показатели степени приверженности к эмиграционным настроениям вызывают озабоченность. Каждый шестой однозначно и более трети респондентов в разной степени положительно продемонстрировали желание проживать за границей. Разница между уральской и остальной российской мо-

Рис. 3. Отношение к желанию жить за пределами Российской Федерации, % ответивших, пропуски 3,3%

Fig. 3. The relation to desire to live outside the Russian Federation, % answered, admissions of 3.3%

лодежью заметна по двум позициям: желающих однозначно проживать в России в УрФО оказалось существенно меньше, чем в остальных округах; но позиция это неоднозначна: среди уральцев на те же 8% чаще отмечался вариант «скорее да, чем нет». Мы по-прежнему сталкиваемся с проблемой потери значительного числа представителей нации по разнообразным причинам, среди которых фигурируют: возможность самореализации своих способностей, карьерные устремления, интересная работа, более высокая зарплата, а кто-то стремится к хорошей экологии или более мягкому климату. Вопрос о создании условий для самореализации молодежи внутри страны (так, о пресловутой «утечке мозгов» мы не перестаем говорить и сегодня) остается открытым.

Итак, национальная идентичность уральской и российской молодежи строится на прочном фундаменте традиционных для данной общности ценностных ориентаций и культурных основаниях, свойственных российской культуре и сформированных в результате межнационального взаимодействия на территории бывшего СССР. Вместе с тем именно культурные изменения, в первую очередь связанные с литературой, русским словом и российской историей, представляются наиболее существенным фактором, влияющим на процессы национальной идентификации.

Решение задач формирования национальной идентичности на этой основе представляется необходимым как в тактике, так и в стратегии. Молодое поколение, оказавшись в центре внимания самых разных политических сил, с одной стороны, может явиться источником риска и неопределенности, а с другой — возможным потенциалом развития общества, встраивания новых культурных элементов в систему идентификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вундт В. Проблемы психологии народов / В. Вундт. М.: Академический проект, 2010. 136 с.
2. Зубок Ю. А. Методология рискологического подхода в социологии молодежи / Ю. А. Зубок. URL: <http://docplayer.ru/43382636-Metodologiya-riskologicheskogo-podhoda-v-sociologii-molodezhi.html> (дата обращения: 28.03.2018).
3. Зубок Ю. А. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе / Ю. А. Зубок, Т. К. Ростовская, Н. Л. Смакотина. М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2016. 166 с.
4. Кон И. С. К проблеме национального характера / И. С. Кон // История и психология / под ред. Б. Ф. Поршнева. М.: Наука, 1971. С. 122-158.
5. Молодежь России: социальное развитие / под ред. В. И. Чупрова. М.: Наука, 1992. 205 с.
6. Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. URL: <http://legalacts.ru/doc/rasporjzhenie-pravitelstva-rf-ot-29112014-n-2403-r/> (дата обращения: 28.03.2018).

7. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. 320 с.
8. СТУДЕНТ 1995-2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала: монография / Л. Н. Банникова [и др.]; под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2017. 904 с.
9. Теория и практика устойчивого ценностно-позитивного развития молодежи: коллективная монография / под ред. С. В. Тетерского, Т. К. Ростовской. М.: Перспектива, 2016. 280 с.
10. Цымбурский В. Л. Национальная идентичность — это принятие исторического опыта нации: интервью «Русскому архипелагу» (Москва, декабрь 2002 г.). URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:RY7v7cjppF0J:www.archipelag.ru/geoculture/langsnpeoples/Vavilon/experience/%3Fversion%3Dforprint+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 28.03.2018).
11. Чупров В. И. Проблема образования молодежи в российском обществе риска / В. И. Чупров // Образование и молодежная политика в современной России: материалы Всероссийской научно-практической конференции (26-28.09.2002, СПбГУ). СПб.: СПбГУ, 2002. С. 39-48.
12. Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию / Г. Г. Шпет // Психология социального бытия. М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1996. С. 261-372.

Dmitry Yu. NARKHOV¹
Elena N. NARKHOVA²
Alexander A. ANISIMKOV³

UDC 316.347

**CULTURAL FACTORS IN FORMATION
OF NATIONAL IDENTITY OF THE URAL
AND RUSSIAN YOUTH**

¹ Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Department of Organization of Work with Youth,
Ural Federal University named
after the first President
of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)
d_narkhov@mail.ru

² Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Department of the Theory, Methodology,
and Legal Support of the Public
and Municipal Administration,
Ural Federal University named
after the first President
of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)
e_narkhova@mail.ru

³ Master Student,
Ural Federal University named
after the first President of Russia
B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)
alex-fendrix@rambler.ru

Abstract

This article studies the problems of formation of national identity of the younger generation in the conditions of globalization changes of the world. The theoretical basis is the idea

Citation: Narkhov D. Yu., Narkhova E. N., Anisimkov A. A. 2018. "Cultural Factors in Formation of National Identity of the Ural and Russian Youth". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 4, no 2, pp. 38-54.
DOI: 10.21684/2411-7897-2018-4-2-38-54

of multidimensionality of youth as specific community (social structure, social institute, a social reserve, and social risk among others), about the stability of structure of traditional valuable orientations of the Russian youth against the background of increase in dispersion of interpretation of fundamental images of culture, promotion of values unusual for national identity; multidimensionality and variability of youth identification: subcultural, professional, ethnonational and another. As indicators of national identity the languages embodied in national psychology and finding reflection in national character, customs, art, myths, religion are allocated. On results of sociological poll (N = 1,406, online poll, a method of “snowball”, the territory of all federal districts of Russia, youth aged 14-35) the interrelation national identity of youth with the national culture of the population, her knowledge, assessment and acceptance is shown. Differences in processes of identification of youth of the Ural Federal District and the youth living on other part of Russia are shown. Estimates of structure of valuable orientations, identifications with the concepts “Russian”, “the people”, self-assessments of backbone elements of the Russian culture (literature, history, folklore, folk music, painting, and architecture), the level of knowledge of the Russian history, a self-assessment of desire to live outside Russia are given. The conclusion is drawn on need to consider the cultural changes happening to literature, the Russian word, the Russian history at management of processes of national identification of youth, within realization of the state youth policy.

Keywords

Identity, national identity, national culture, values, individual and public consciousness, youth, resource, Ural Federal District, state youth policy.

DOI: 10.21684/2411-7897-2018-4-2-38-54

REFERENCES

1. Wundt W. 2010. “Problemy psikhologii narodov” [Problems of Psychology of the People]. Moscow: Akademicheskiiy projekt.
2. Zubok Yu. A. 2018. “Metodologiya riskologicheskogo podkhoda v sotsiologii molodezhi” [The Methodology of Risk Approach in Youth Sociology]. Accessed 28 March 2018. <http://docplayer.ru/43382636-Metodologiya-riskologicheskogo-podhoda-v-sociologii-molodezhi.html>
3. Zubok Yu.A., Rostovskaya T. K., Smakotina N. L. 2016. “Molodezh' i molodezhnaya politika v sovremennom rossiyskom obshchestve” [Youth and Youth Policy in Modern Russian Society]. Moscow: PERSPEKTIVA.
4. Kon I. S. 1971. “K probleme natsional'nogo kharaktera” [On the Problem of the National Character]. In: Porshnev B. F. (ed.). “Istoriya i psihologiya” [History and Psychology], pp. 122-158. Moscow: Nauka.
5. Chuprov V. I. (ed.). 1992. “Molodezh' Rossii: social'noe razvitie” [Youth of Russia: Social Development]. Moscow: Nauka.
6. RF Government’s Decree of 29 November 2014 no 2403-r “Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy molodezhnoy politiki Rossiyskoy Federacii na period do 2025 goda”

- [On the Statement of Fundamentals of the State Youth Policy of the Russian Federation until 2025]. Zakony, kodeksy i normativno-pravovye akty v Rossiyskoy Federacii [Laws, codes and normative legal acts in the Russian Federation]. Accessed 28 March 2018. <http://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-29112014-n-2403-r/>
7. Stefanenko T. G. 1999. Ehtnopsikhologiya [Ethnopsychology]. Moscow: Institut psihologii RAN, Akademicheskii proekt.
 8. Bannikova L. N. et al. 2017 STUDENT 1995-2016 gg.: dinamika sociokul'turnogo razvitiya studenchestva Srednego Urala [STUDENT of 1995-2016: Dynamics of Sociocultural Development of Students of the Central Ural Region]. Edited by Yu. R. Vishnevsky. Yekaterinburg: UrFU.
 9. Tetersky S. V., Rostovskaya T. K. (eds.). 2016. Teoriya i praktika ustoychivogo cennostno-pozitivnogo razvitiya molodyozhi [Theory and Practice of Sustainable Valuable and Positive Development of Youth] Moscow: PERSPEKTIVA.
 10. Tsimbul'skiy V. L. 2002. Nacional'naya identichnost' — ehto prinyatie istoricheskogo opyta natsii: interv'yuu "Russkomu arhipelagu" (Moskva, dekabr' 2002 g.) [The National Identity Is an Acceptance of Historical Experience of the Nation: Interview to "The Russian Archipelago" (Moscow, December 2002)]. Accessed 28 March 2018. <http://www.archipelag.ru/geoculture/langsnpeoples/Vavilon/experience/>
 11. Chuprov V. I. 2002. "Problema obrazovaniya molodezhi v rossijskom obshchestve riska" [A Problem of Education of Youth in the Russian Society of Risk]. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. "Obrazovanie i molodezhnaya politika v sovremennoj Rossii" [Education and Youth Policy in Modern Russia] (Saint Petersburg, 26-28 September), pp. 39-48. Saint Petersburg: SpbGU.
 12. Shpet G. G. 1996. "Vvedenie v ehtnicheskuyu psihologiyu" [Introduction to Ethnic Psychology]. In "Psikhologiya social'nogo bytiya" [Psychology of Social Life], pp. 261-372. Moscow: Institut prakticheskoy psihologii; Voronezh: MODEHK.